

Жигулёвская вольница стонет: «Вернись!..»
 Новгородская вольница чаёт: «Приди!..»
 Это смех, это грех, это жость, это жисть,
 Это вольная воля в развёрстой груди.

Заплутавшая в северном синем бору,
 Целовавшая питерский гордый гранит,
 Эта вольная воля звенит на ветру
 И, шутя, обживает имперский зенит.

Что ей труб водосточных крикливая жость,
 И слезливая жисть прошлогодних снегов?
 Пьяный смех, свальный грех и бездарная месть
 Тех, кто тщились стяжать себе званье врагов?

Что ж, попытка не пытка, и где наша не
 Пропадала, печалилась, пела, летала...
 Я вернусь по весне... Я вернусь по весне —
 Висококой весной — разве этого мало?

Пусть вы не торжество добра и света,
 Как ни крути, вас не любить нельзя —
 Сценичные циничные поэты.
 Заклятые самарские друзья.

Ведь я была одной из вас когда-то.
 Хотела б откреститься, да никак!
 Разбойные запойные ребята,
 Отечеством считавшие кабак.

Рассадин, Чепурных, Олег Портнягин...
 Ах да, Сиротин! Как забыла я!
 Немало вы попортили бумаги...
 ...И Семичев — особая статья.

Немало вы кровей моих попили
Вприхлёб с самарским пивом «Жигули».
Немало, как княжну, меня топили,
Но утопить в итоге не смогли!

Не утонула, породнилась с Волгой...
Она во мне свою признала дочь.
И с той поры — увы и слава Богу! —
Ни помешать нельзя мне, ни помочь.

И разве я могла в вас не влюбиться,
Как ни крутили пальцем у виска,
Когда взлетали стрАнницы-стрАнИцы
И строфы-катастрофы в облака?

Когда, презрев досужие приметы
И больше не желая быть как все,
И я взлетала с ними против ветра
По этой чёрной взлётной полосе?..

***

Эх, не ето, не пито, не курено,
Не целовано девок взасос!..
Знать, в деревню Большое Никулино
Неспроста нас нечистый занёс.

Здесь оконца намыты-надраены —
Ни сказать, ни пером описать!
Николаевна свет Нидвораевна
За околицу вышла встречать.

Распростёртыми встрела проклятьями:
«Нет креста на вас, скройтесь с глаз!..»
И — привычное, право, занятие! —
Приголубила матерно нас.

Мы б ушли, ведь дорога проторена,
Ветер воли пьянит, как нектар.
Для кого же ворота отворены,
Стол накрыт и кипит самовар?

Гость незванный получше татарина!..
Для кого же, не званного в дом,
Банька топлена, липа заварена
И расшиты кисеты крестом?

И не верится, братцы, не верится,
Ну нисколько не верится мне
В то, что здесь не для нас красны девицы,
Словно маковый цвет, по весне!

Николаевна свет Нидвораевна,
Пусть у нас ни кола, ни двора...
Полыхает закатное зарево —
Приюти дураков до утра!

***

Редька-триха и редька-ломтиха,
Редька с мёдом и редька так...
Как бы ни было, братцы, лихо,
Никакой нам не страшен враг!

Не впервой нам врагов увечить.
Не единожды в том помог,
По усам утекая в вечность,
Не попавший в роток медок.

Редька с маслом и редька с квасом,
И с хреновиной редька — ах!
...Пьёт шампанское с ананасом
Респектабельный олигарх.

Пусть погасит свою улыбку,
Недоделанный супермен,
Ободравший страну как липку,
А на нас положивший хрен.

Гадом буду — не позабуду
Голливудский его оскал...
Но у нас тут не голливуды!..
Рот захлопни — я всё сказал!

Щелчком смахнула пепел с папиросы.
Заметила: «Тебя, наверно, ждут!..»
И разом улетели все вопросы,
Как дым, в невозмутимый абсолют.

Прихваченные отчуждённой стужей,
Они теперь летят за облака —
Вопросы, что испепелили душу,
Но так и не слетели с языка.

Болтаете о чём-то несерьёзном,
Ведь надо же о чём-то говорить.
И ты вдруг понимаешь — слишком поздно
Пытаться что-то в жизни изменить.

Да, ты любил. Но был ли ты любимым?..
Ты вовремя его не произнёс,
Сегодня улетевший вместе с дымом
Всего один-единственный вопрос.

Что ж, ты не сотворил себе кумира.
Ты победил... Гляди издалека,
Как, абсолютно безучастны к миру,
Дымятся над землёю облака.

Здесь ещё чужая. Там уже чужая.
Полно!.. То потеря в жизни небольшая.
Ну-ка, ногу в стремя, в руки — удила.
Отродясь насильно милой не была.

Покури в сторонке, разлюбезный враг!
Бьёт копытом звонким звёздный аргамак.
И течёт дорога аж до самых звёзд
Вдоль реки Молога через Млечный мост.

...И смотрят последние астры в саду
На то, как топиться хожу я к пруду...

Диана Кан (из первой книги)

Заживём в кувшинковом раю,
Милый мальчик, всем другим на зависть...
...Бедный мальчик, баюшки-баю,
Я в реке живу, а не купаюсь...

Диана Кан (из второй книги)

В полуденном солнце, сверкнув чешуёю,
Прощаюсь, прощаюсь, прощаюсь с тобою...

Диана Кан (из третьей книги)

О себе, о любви, о России
Мне расскажет русалка моя...

Евгений Семичев

Волгой, Волгой, а потом Мологой.
Из Мологи напрямиком в Китьму...
Я слыла когда-то недотрогой —
Чушь, непостижимая уму.

Я слыла капризною русалкой,
Искусив блаженством и бедой
Невзначай поймавших на рыбалке
Ту, что назовут своей судьбой.

Все они вели себя как дети.
Волокли русалку под венец.
Для добычи расставляли сети
И — добычей стали наконец!

Ох, жена — не сыщешь расчудесней! —
Разменяла жизнь на ерунду.
Всё поёт неведомые песни
Да топиться бегаёт к пруду.
Всякая лягуха ей — царевна.

Всякий лотос — чуть ли не жених!..
Ну, а ты живи себе как внух!
Али не смирился, не привык?

...Не смирялись и не привыкали,
Становясь угрюмой и грустней...
И глаза их, полные печали,
Не забыть мне до скончанья дней.

Как с женой-русалкой ночи долги!..
В полнолуние не смыкая глаз,
«Шла бы вниз по матушке, по Волге!» —
Думали, болезные, не раз.

Волжский взгляд русалий с поволокой
Тоже манит по теченью плыть...
Ведь к первоначальному истоку
Ничего уже не возвратить!

Почему же супротив теченья
Плыть извечно я обречена?..
Реки, речки, реченьки, реченья...
Не упомяну ваши имена!

...Волгой, Волгой, а потом Мологой...
Да не всё ль равно, куда идти,
Если сам к себе придёшь в итоге?..
А другого, видно, нет пути.

***

...В конце письма поставить vale...
Александр Пушкин

В конце письма поставил: «Vale...»
Ох, Валентина! Ох, змея!
Ведь он писал ко мне вначале,
В его душе царила я.

Расставшись вроде с Терпсихорой,
А также много с кем ещё,
Дианы грудь ланитам Флоры
Он благосклонно предпочёл.

Но как винить его за это?..
Своей не чувствуя вины,
Так все великие поэты
Всегда в кого-то влюблены!

Не помышляя об измене,
Презрев душевный неуют,
Они влюбляются мгновенно
И за любовь на смерть идут.

Идут... За ними не угнаться.
Они — заложники любви.
Нет, обойдусь-ка без нотаций,
Скажу с улыбкой: «Отвали!»

Вали-вали к змеище Вальке.
In vino veritas, не трусь!
Переживу свои печальки,
Да и латыни подучусь.